

СТЕЖЖИ

Виктория Радионова

Стежки

Приноровился. Нажим. Прокол.

Острые иглы показалось на поверхности. Детские пальчики, в маленьких ранках от нечаянных уколов, ухватились за кончик, вытянули иголку, а следом тонкую, прочную нить. Стежок лёг ровно.

Прищурился единственным глазом, маленький портной придирчиво осмотрел работу.

— Хорошо, Тео, ты молодец! — похвалил он себя.

Дальше нужно шить вдвойне аккуратно, чтобы не испортить начатое. Ткань слишком нежна, любой неверный отступ, лишний прокол и дефект уже не исправить.

Это чучелок можно сшить на скорую руку, главное, успеть, а уж как они выглядят, не важно. Они и до перехода смотрелись не лучше: сутулые, кривоногие, с перекошенными, помятыми лицами, тусклыми глазами... А уж запах какой отвратительный! Были чучелками, чучелками и остаются. Валяются повсюду, ждут чего-то. Ясно чего, пока он живь в них вошьет. А ему не хочется. Будут суетиться, под ногами путаться. У него есть пара живчиков — зануды страшные. И сами страшные. Зачем столько страшного в одном месте?

Давно надо было перестать с ними возиться, не тратить время попусту, а браться за настоящую работу. Только он все сомневался, побаивался, что не справится. Здесь уже умением не обойтись, нужно мастерство. Шов должен быть незаметным, будто и нет его вовсе. Он и называется «потайной». Вот как на нем самом.

Разглядывая себя, он всякий раз поражался, как же мастерски стачали его детали, настолько незаметно, без стыков, пришили к телу руки и ноги, даже голову.

Кривой шов на горле не в счёт, он появился при починке: какой-то неумеха пришивал его полуоторванную голову обратно. Испортил такую работу!

На животе надрезы тоже зашивались впопыхах, но уродливые швы скрыты пижамой. А вот за лицо обидно. Можно ведь было порванный рот за-

шить не так криво. Это же не худой мешок чинить! Да и с глазом что-нибудь придумать — веко стянуто косыми стежками.

Ему частенько хотелось распороть это безобразие и исправить. Но шить на себе нельзя — зашьёшь память. А он не смеет забывать. Он должен помнить эти глаза... Холодные и влажные, как куски подтаявшего льда, абсолютно пустые. Даже у чучелок в их оловянных пуговицах что-то есть: тоска, сожаление, надежда... В тех глазах — ничего. Ты плачешь от страха, умоляешь прекратить, орешь от боли, срываясь на хрип, глаза смотрят на твои муки неотрывно, пристально, и ничего не происходит во взгляде, ни одно чувство не проскользнет по этой белесой наледи: ни ненависти, ни сострадания, ни удовольствия. Ничего.

С мольбой вглядываешься в эту пустоту, а пустота заглядывает внутрь тебя. И все сжимается до малюсенького комочка, а затем исчезает вовсе. Воспалённые веки вздрагивают, скрывая на миг и вновь обнажая ледяную пустоту. Но твой единственный уцелевший на изувеченном лице глаз уже не видит ее. Он сам уже опустел.

Тео вздрогнул, отгоняя ужас, притаившийся в памяти, потер заслезившийся глаз и вернулся к работе.

Стежок. Ещё стежок. Отлично получается! Да он мастер! Может, ему и вправду взять да перешить себя. Не пришлось бы прятаться в капюшоне. В нем, конечно, уютно, но плохо видно. Кругом и так сплошные потемки. А зрение хорошо бы поберечь, ведь ещё столько работы!

Пальцы устали, плохо слушаются. Он уже несколько раз укололся. Нитка путается, затягиваются узелки. У создания непростой характер. На Барни нитка тоже путалась, вот и вышел вредина, а не медведь. Все время ворчит, со всеми ссорится.

Проклятье! Как он мог забыть?!

— Барни! Куда ты делся? Я должен пришить тебе лапу.

Но старик или оглох в своём пыльном углу, или опять показывает не-сносный характер.

Тео отложил работу, огляделся. Нет, его так просто не найти в этом беспорядке. Чердак завален всяческим хламом: коробки громоздятся одна на дру-

гую, поломанные стулья перевернуты, разбросаны, корзина полна чучелок. Выпавшие валяются среди обрезков ткани, смятых бумажных лекал, клочков ваты. Они и при жизни тоже все норовили завалиться где-то среди мусора. Так с чего бы им изменять свои привычки?

Может, спросить про Барни у Молли? Лошадка дремлет, мерно раскачиваясь. Что ж ещё делать игрушке-качалке? Жалко будить старушку.

— Барни! — снова позвал Тео. — Тащи сюда свою лапу, надо пришить. Чудовища вот-вот вернутся.

В последний свой приход они хорошенько потрепали медведя, а лошадке вспороли брюхо. Молли он починил сразу, а Барни разворчался, как обычно, уковылял в темный угол да там и остался сидеть. Вот Тео и позабыл о старике.

Раздался мелодичный звон. Это Мартин, настенный кот, вильнул хвостом:

— Время, малыш, время...

Тео оглянулся. Кот не хотел встречаться с ним взглядом, гонял выпученные глаза из стороны в сторону. Стрелки на брюшке-циферблате слегка подрагивали.

— Большая на девяти, маленькая почти на пяти.

— Верно, малыш, и ты знаешь, что это значит.

— Значит, у меня есть несколько минут.

— Неверный ответ. Подумай ещё.

— Барни должен быть в порядке, — прищурив глаз, Тео попытался продеть нить в ушко иголки. — Это собьёт их с толку, может, даже напугает, и они перестанут являться на наш чердак.

Кот нервно задергал хвостом.

— Мальчиш-ш-шка! — шипел он. — Не слуш-ш-шаешься, опять не слуш-ш-шаешься!

Шестеренки ускорили темп, стрелки понеслись в два раза быстрее.

— Не делай так! — вскрикнул Тео. Онемевшие пальцы выронили иглу. Тео согнуло и выкрутило, как бельё при отжиме.

— Прекрати!

— Убирайся, Тео, — рявкнул из угла Барни. — Проваливай!

— Вон! Вон! Вон! — кричали чучелки хором.

— Тебе пора, дорогой! — уговаривала только что проснувшаяся Молли.

— Но я не закончил, не закончил! — твердил малыш, чуть не плача. —

Нужно починить Барни. Тогда...

— Они не должны тебя видеть, даже догадываться о твоём существовании. Ты самое дорогое, что у нас есть. Мы не можем потерять тебя.

— Прекрати сюсюкать, старая кобыла! — рявкнул медведь. — Избаловала мальчишку, вот он от рук и отбился.

— Барни из плюша! Как смеете вы разговаривать в подобном тоне?! — от возмущения Молли качнулась так сильно, что чуть не перевернулась. — Где ваши манеры?

— В заднице! Что, съела, да?!

Медведь захохотал, хлопая уцелевшей лапой по мохнатому боку. Лошадка взвилась на дыбы. Тео заплакал, он не выносил скандалов.

— Не волнуйся, дорогой, — Молли тут же обуздавала свою прыть, — все в порядке.

— Брось, парень, — смутился медведь. — Мы всего лишь ворчим по-стариковски.

Внизу хлопнула дверь, послышались возбужденные голоса, брань и смешки.

— Прячься, Тео, они уже здесь!

Скрип ступеней старой лестницы смешался с топотом ног. Молли качнулась в последний раз и замерла, стекленея взглядом. Барни отшвырнул оторванную лапу и хотел уже повалиться на пол, но Тео ухватил его за шкуру.

— Мартин, умоляю, дай мне время!

Кот взвыл утробно, но часы, скрипя механизмом, замедлили ход, стрелки остановились. На лестнице воцарилась тишина. Чудовища по-прежнему поднимаются на чердак. Но пока они заносят ноги на очередную ступеньку, Тео вполне успеет пришить Барни лапу и убраться в укрытие.

Стежок. Еще парочка, и все лапы на месте. Довольный работой, Тео улыбнулся, усадил медведя верхом на лошадку, подмигнул часам.

Теперь уже точно пора в шкаф — аккуратно свернуться на полке, прикидываясь пижамой в голубую клетку на мальчика восьми лет. Кому придёт в голову, что это и есть сам мальчик, пропавший на чердаке четверть века назад. До такого ещё додуматься надо. Вот полицейские не додумались, при осмотре места преступления нашли лишь то, что осталось от Тео, его оболочку — разорванный чехол, перепачканный чем-то липким.

А сам Тео сразу, как только покинул испорченное тело, спрятался в шкаф. Он и раньше частенько забирался туда, представляя, что это тот самый проход в волшебную страну, о котором он читал в своей любимой книжке.

Прятаться легко, нужно просто притянуть колени к груди, прижать локти, подвернуть голову — это легко, когда ты не имеешь тела. Тело — это так неловко: саднят царапины, ноют ссадины, шатается зуб, чешется место под лопаткой, до которого никак невозможно дотянуться... Его так запросто уже не починишь: упадёшь неловко, и в ушибленном месте растекается синяк, а то и похуже, обдирается кожа, переломится тонкая кость... Без тела гораздо лучше, можно везде побывать, перебираясь в другие шкафы в любом доме, может, даже за пределами городка, он просто не проверял. Зачем, если ему интересно перебираться только в один-единственный шкаф, в спальне Ангела. Спящая девчонка — само совершенство! Тео не может налюбоваться. Вот бы поселить ее у себя на чердаке. Об этом можно только мечтать. Хотя, кто знает, может, ее переход не так далёк, как кажется, вдруг она заболит или будет неосторожна при переходе дороги. Сам он, конечно, не причинит ей вреда, но его желание с каждым днём все сильнее. Вот он и шьёт для неё оболочку, чтобы к моменту перехода все было готово. А тут эти чудовища отнимают драгоценное время. Тео трясёт от злости.

Голоса совсем рядом.

— Вот черт! Что за срань такая?! Майкл! Сэм! Заткнитесь уже и глядите сюда.

Ключнули. План сработал. Чудовища заглотили наживку. Тео тихонько приоткрыл створку шкафа. Его раздрало любопытство. Их трое: близнецы, лет двенадцати на вид, оба рыжие, курносые лица густо покрыты конопушками, и девчонка. Она стоит спиной к шкафу. Тео не видит лица, лишь худую фигуру: длиннющие руки и ноги, торчащие локти и колени — острые углы, которые натываются на все, рушат, ломают, дают пинка, бьют под дых, отвешивают оплеуху.

Грязно бранясь, один из близнецов сдергивает Барни с качалки. Держа за ухо, внимательно рассматривает со всех сторон. Другой норовит забрать медведя из рук брата.

— Да не лезь, ты, придурок, погоди! — уворачивается первый. — Анжела, ты же вчера оторвала лапу этому уроду, а теперь, гляди-ка, он целёхонек!

Барни брошен девчонке, она принимает пас ногой, пару раз подкидывает его на колене и пинком посылает в угол.

— А лошадь? — второй близнец подскакивает к Молли. — Мы же ещё кидались опилками из ее брюха. У Анжелы все волосы в них были. Тут точно призрак!

— Иди в задницу, Сэм!

Голос девчонки на удивление неприятный, с хрипотцой, какой-то грязный, как и ругательства, которыми она перемежает фразы. Тео поморщился, забрался глубже в шкаф, от звуков он избавиться себя не мог, а вот за действиями предпочёл не наблюдать. Все равно его план провалился. Никто из чудовищ даже не подумал испугаться. Девчонка хохотала:

— Ты идиот, Сэм, здоровый придурок, а в сказки веришь.

— Сама ты...

— Что?

— То!

— Давай, договаривай и огребешь по полной.

Перепалка чуть было не перешла в потасовку, и сила была явно не на стороне близнецов, но разборки утихли. Закурили. После первой затяжки стали припоминать, кто что слышал про чердак.

— Сюда бомжи частенько наведываются, приходят переночевать, а потом их никто больше не видит.

— Что, прозрачные становятся? — хихикает девчонка.

— Да причём тут... Хватит цепляться. Пропадают без вести.

— Бомжи — это тема. Я бы попинала какого-нибудь бродяжку, да что-то ни одного здесь не вижу. Надо бы притащить сюда кого-нибудь из них и проверить, куда ж он денется, если из него вышибить дух.

— Анжи, ты иногда такое несёшь, что у меня мороз по коже.

— Не ссы, придурок. Мир надо чистить.

Близнецы поспешили сменить тему с бомжами.

— Говорят, тут было убийство.

— Серьезно? И кого же тут уколошили? Медведя?

— Зря смеёшься. Отец говорил, маньяк убил мальчишку. Пытал его. Изрезал ножом.

Девчонка перестала высмеивать друзей, слушала внимательно, ловила каждое слово.

— И что он ему отрезал?

— Да мы-то откуда знаем. Это сто лет назад было.

— Не сто, — вмешался брат. — Отец говорил, лет двадцать.

— Да какая разница сколько! — перебила Анжела. — А маньяка поймали?

— Вроде нет. Говорят, после похорон мальчишку видели несколько раз. И все, кто видел, умирали.

— Брехня все это.

— Не брехня! Дед с бабкой, которые его воспитывали, умерли.

— Ещё б они не умерли, они же старые.

— Не хочешь, не верь.

— И не поверю, пока не проверю.

— А как проверишь-то?

— Обычно. Надо вызвать призрака и спросить у него, как он умер.

— А как вызывать?

— Да просто. Принесём жертву.

— Какую жертву?

— Человеческую, конечно, того же бомжа.

Близнецы переглянулись. Они не всегда понимали, шутит подруга или говорит серьезно, по ее тону понять это было невозможно. Она всегда общалась с неизменной кривой ухмылкой, заменяющей ей улыбку.

— Или лучше приведём сюда этого дауненка. Вот этот точно пойдёт, только пальцем помани.

— Я что-то не понял, ты собираешься убить человека?

— Да какого человека? Я ж говорю дауна этого. Мамаша оставляет его на лужайке перед домом, не сразу хватится.

— У тебя точно крыша поехала. Как же мы его убьём?

— Так же, как этот ваш маньяк, порежем.

— Ты совсем, что ли? Он же орать будет.

— Ну, это уже дело техники — кляп, скотч...

— А как же его мать?

— Мать нам ещё спасибо скажет, что ей не надо с ним мучиться.

— Она любит его!

— С чего ты взял?

— Ну как? Она же мать.

— Мать... Меня мать не больно-то любила, когда бросила годовалую на папашу-алкоголика и угнала с каким-то хмырем на байке.

— Анжи, прекращай, давай не будем про это говорить.

— Конечно не будем.

Близнецы выдохнули с облегчением, да только рано. Девчонка подтянула к себе брошенный по приходу рюкзак и вытащила за шкурку мяукающий комок.

— Котёнок, — Сэм расплылся в улыбке, потянулся погладить.

— Руки убрал! Я не для этого лазила за ним по помойке.

— А для чего? — мальчишка не понимал, куда она клонит.

— Для того самого. Хватит в игрушки играть, пора во взрослую жизнь.

— Что ты собираешься делать?

— То же, что и с медведем, и с лошадыю.

— Он же живой!

— Пока... — она мерзко хихикнула и подмигнула побледневшим мальчишкам, — вот и посмотрим, сколько протянет.

— Отдай! — Сэм кинулся отнять зверька, но ему прямо в лицо вскинулось лезвие бритвы.

— Ну, давай! Чего встал? Попробуй, отними.

Мальчишка всхлипнул, как от боли, сжимая кулаки в бессилии, отступил на шаг.

— Сэм, пошли! — Майкл потянул брата за рукав.

— Она же и вправду его порежет! — Сэм уже не мог сдержать рыдания.

— Давайте, валите, пока я одного из вас не порезала, или обоих. Никакого дауна не надо, здесь их целых два.

Сэм плакал навзрыд, Майкл тащил его за собой к выходу с чердака.

— И не вздумайте сболтнуть кому-то. Иначе мне тоже есть, что рассказать вашему папаше.

Ответом был лишь топот ног, спускающихся по лестнице, да всхлипы Сэма, бьющегося в истерике. Хлопнула дверь. Девчонка выругалась, пнула попавшего под ногу Барни. Котёнок пискнул, когда она перехватила его, крепко зажав мордочку в кулак. Конец бритвы нацелился в кошачий глаз.

Раздался скрип. Она невольно обернулась на звук. Дверь старого шкафа открылась. Ничего удивительного, кругом одна рухлядь. Она поспешила вернуться к своему занятию.

Тео не мог поверить. Глаза! Те самые пустые глаза, которые он не забыл. Глаза мучителя, убийцы у его ангела. Зачем она проснулась? Зачем открыла пустоту? Теперь бездна смотрит на дрожащую, извивающуюся жертву.

Лезвие почти достигло цели, как вдруг руки, держащей бритву, коснулись ледяные пальцы. Рядом стоял мальчишка, ниже ее на голову, в клетчатой пижаме с капюшоном, скрывающем лицо до самого подбородка. Анжела

вздрагнула от неожиданности, а котёнок выскользнул на пол и тут же шмыгнул за груды коробок.

Оторопь сменилась приступом ярости: из-за этого сопляка сбежала жертва! Девчонка кинулась к ребенку, ухватила за капюшон, сорвала его с головы и отшатнулась от изумления — вместо лица у мальчишки была маска, криво пошитая из неровных кусков кожи грубыми стежками. Из единственного глаза по изуродованной щеке скатилась слезинка.

Что-то щелкнуло. С трудом оторвавшись от обезображенного личика, Анжи перевела взгляд на источник звука. В руках мальчишки были портняжные ножницы. Мальчишка развёл бланши и с резким щелчком разрезал воздух прямо перед нею.

Анжи не почувствовала боли, скорее наоборот, ей показалось, что тугие нити, стягивающие ее тело наконец распороты. Свободные края разреза распахнулись, как расстегнутая кофта, и теснившаяся внутри чернота и тяжесть вырываются наружу. Стало невероятно легко, хорошо до слез. Они лились потоками, она не могла вздохнуть от плача, на сердце было легко и спокойно, впервые и всего лишь на секунду. Столько продлилась эта счастливая жизнь.

***

Стежок, ещё пара. Конец. Нужно аккуратно закрепить нить. Тео пристально оглядел работу. Показал Барни и Молли. Те молчали в восхищении, улыбались.

— Идеально! — мурлыкнул Мартин со стены.

Тео улыбнулся в ответ, но тут же озадачился:

— Вот только, что делать с глазами?

— Пришей пуговицы, — посоветовал Барни.

Тео в сомнении посмотрел в сторону чучелок. Они стояли рядком, таращились своими пуговками, одобрительно кивали.

— Все лучше, чем те, что были, — рассуждал медведь.

— Нет, — возразил мальчик, — пусть лучше никогда их не открывает.

Он ещё раз оглядел только что сшитого Ангела. Анжи безмятежно спала, нежно обнимая мурчащего котёнка. Тео остался доволен работой.

Что ж, пришло время заняться собой, пора бы уже забыть весь этот ужас.

© Виктория Радионова 2018